ИСКУШЕНІЕ.

Бореніе добра и зла, этихъ двухъ духовныхъ началъ въ человѣкѣ, тысячу разъ было представлено и описано въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: но я не помню, чтобъ гдѣ нибудь борьба эта представлена была такимъ очевиднымъ, осязательнымъ образомъ и въ такомъ простомъ, несложномъ видѣ, какъ она представляется въ слѣдующемъ истинномъ происшествіи.

Кто не знаетъ нашихъ разносчиковъ, коробейниковъ, лукошниковъ, офеней, которые разъѣзжаютъ по всей Россіи съ такъ–называемымъ краснымъ и бакалейнымъ и всякимъ другимъ товаромъ и снабжаютъ всѣхъ хозяекъ въ деревняхъ и городишкахъ ситчикомъ, шелчкомъ, узорчикомъ, тесемочкой, петелькой и пуговкой, и иногда даже какой нибудь книжкой, сонникомъ, гадальщикомъ,

писчей и швейной бумагой, дѣтскими игрушками, курильными свѣчами, ладаномъ и стираксой — словомъ, почти всѣмъ, что необходимо въ семейномъ домашнемъ быту и чего не всегда достать можно въ уѣздномъ городѣ? Такой–то промышленникъ подъѣхалъ къ барскому двору, противу обыкновенія этихъ людей, рысью: это было зимой, часу въ восьмомъ утра, когда только что разсвѣло. Лошадь была вся въ мылѣ, разносчикъ пріѣхалъ въ одиночку и, соскочивъ съ воза, поспѣшно снялъ шапку и перекрестился. Онъ, сидя на возу, почти также запыхался, какъ и лошадь его.

Вошедши во дворъ, на которомъ, какъ видно, случалось ему быть не въ первый разъ, потому что онъ торговалъ давненько, онъ освѣдомился у людей, всталъ–ли баринъ и просилъ доложить о себѣ, подошедши самъ вслѣдъ за человѣкомъ въ переднюю. «Скажи, что ничего не нужно» отвѣчалъ баринъ слугѣ: «я вѣдь только на прошедшей недѣлѣ съ ярмарки; у меня все закуплено.» Разносчикъ, который стоялъ

въ сѣняхъ вплоть у дверей въ покои, подперши бороду рукой и наклонивъ голову противъ щелки притворенныхъ дверей, отступилъ на полшага, чтобы дать мѣсто возвращающемуся слугѣ, и, не выждавъ его отвѣта, лишь только тотъ растворилъ дверь въ переднюю, возвысилъ свой голосъ: «сельди есть голландскія, сыръ настоящій швейцарскій, помада, духи французскіе, жилеты аглицкіе, макароны, берлинская шерсть, баульчики, сахаръ, чай, кофе...»

Такъ какъ помѣщикъ отвѣчалъ на всю рѣчь эту: «Здорово, братецъ, здорово! Нѣтъ, теперь не надо мнѣ ничего», то нашъ офеня уже смѣло втерся въ двери, отвѣсилъ поклонъ и продолжалъ насчитывать товаръ свой; вѣдь помѣщикъ съ нимъ заговорилъ, такъ онъ считалъ себя въ правѣ войти и продолжать бесѣду. «Не надо, любезный, ничего» сказалъ тотъ; «я недавно запасся всѣмъ.» — Такъ хоть изюмцу возьмите, сударь, черносливу французскаго... есть у меня и ножи преотличные, столовые и поварскіе. — «Да не надобно ничего.» — А изъ краснаго

товара не требуется ничего–съ? — «Нѣтъ, ничего ненужно.» — Сдѣлайте милость, батюшка, прикажите хоть принести показать что нибудь, можетъ–статься, изъ бакалейныхъ приглянется что нибудь... игрушки дѣтскія, погремушки... «Да не надо же ничего, тебѣ говорятъ!» — Батюшка, сдѣлайте милость, прикажите на дворъ взъѣхать, хоть сердце отвести, хоть духъ перевести...

— Да что съ тобой? спросилъ наконецъ помѣщикъ, видя этого человѣка, котораго онъ зналъ уже давно, въ какомъ–то безпокойствѣ, въ суетахъ и въ страхѣ.

— Батюшка, отозвался, вздохнувъ тяжело, владимірецъ: — кормилецъ! да со мной такіе страхи приключились, что я о–сю–пору сердца въ себѣ не ощупаю, ногъ подъ собою не слышу; ради вѣчнаго спасенія, прикажите на дворъ къ себѣ заѣхать — и лошадь замаялъ–было совсѣмъ — какъ отпрягу только, то разскажу милости вашей все — страхъ, инно волосъ дыбомъ стоитъ, шапка сама съ головы лѣзетъ...

Помѣщикъ успокоилъ его, позволилъ заѣхать на дворъ и отпречь, велѣлъ накормить заѣзжаго, а тамъ сталъ его разспрашивать. Послѣ многихъ вздоховъ, стоновъ и благодареній Богу, тотъ началъ такъ:

— Наше дѣло, сами изволите знать, батюшка, торговое; изъ года въ годъ, изо дня въ день, все въ пути въ дороженькѣ; такъ по мѣстамъ, гдѣ по привычкѣ пристаешь, есть добрые, знакомые люди. Вотъ, у меня и былъ, батюшка, недалече отсель такой хорошій, знакомый человѣкъ, у котораго я приставалъ, бывало, уже годовъ съ семь. Господь съ нимъ и Богъ его прости, родимый; не хочу и называть мѣста этого, не токма что его самого. Пріѣхалъ я вечоръ къ нему. — Здравствуй, млъ, Егоръ. Здравствуй, говоритъ — что, какъ у тебя по старому? — Да, благодаря Бога, ничего. Ну, слава Богу. — А заѣхать можно? — Для чего жъ? просимъ милости; еще, вишь, этакъ сказалъ, потому что онъ добрый, хорошій человѣкъ. Я заѣхалъ. Почемъ–млъ у тебя сѣно, овесъ?.. Ну, лошадь

поставилъ, все убралъ, хозяинъ вороты заперъ — а дворъ хорошій, обнесенъ и крытый — я и пошелъ маленько въ избу, погрѣться таки–погрѣться, а поѣсть–таки поѣсть, да опричь того и еще было у меня на умѣ одно дѣло: такъ, думаю, здѣсь можно, хозяинъ знакомый и хорошій, такой добрый человѣкъ, и чистая изба у него особнякомъ, топленая, такъ я туда и заберусь. Ну, пошелъ.

«Наше дѣло торговое, кормилецъ, а торгъ деньгу любитъ, а деньга счетъ любитъ. Мы, вишь, беремъ товаръ у хозяевъ за круговой порукой, потому что не хватаетъ силъ торговать на свой грошъ; забираешь товаръ гдѣ посподручнѣе; разочтешься, да деньги и ушлешь хозяину, либо съ своимъ братомъ, коли знакомый да туда ѣдетъ, либо по почтѣ; нечего дѣлать, ину пору лучше заплатить, да чтобъ только вѣрно дошли. Такъ либо тутъ, либо тамъ, надо выручку сосчитать путемъ: оно хоть и не Богъ–вѣсть что, какая выручка съ нашей торговли — не бывалыя это времена — да все сосчитать да услать надо. Вотъ, я и

хотѣлъ позаняться вечеркомъ; взялъ съ собой мошну, а бумажникъ и такъ при мнѣ, да взялъ счеты и пошелъ въ избу — да вотъ было запамятовалъ, что взялъ съ собой еще и бирку, на которой, для памяти, помѣчалъ продажу.

«— Въ свѣтелку можно къ тебѣ на часъ, хозяинъ, коли нѣтъ заѣзжихъ? — Можно; да ты что хочешь дѣлать? — Надо бы мнѣ вотъ, — и указалъ на мошну. — Ладно, говоритъ, поужинай сперва съ нами; хозяйка уже собираетъ. Поужинали, помолились, поблагодарилъ я хозяина и хозяйку; онъ и зажегъ лучину и пошелъ, а я за нимъ.

«Сѣлъ я за столъ, высыпалъ деньги и сталъ считать и раскладывать: серебро особо, мѣдь особо, а тамъ опять цѣлковики по себѣ, полтинники тожъ, по десяткамъ, и мелочь, а самъ кладу на счеты. Съ костей да на–кости, позанялся, и признаться, не въ догадъ ничего, и не гляжу и не вижу, что около меня дѣется: хозяинъ–млъ хорошій, знакомый и добрый человѣкъ, такъ считаю, горя мало, чтобъ скорѣе покончить.

«Хозяинъ вышелъ было, притворивъ дверь, тамъ опять пришелъ, опять вышелъ, опять пришелъ, подновилъ лучину въ свѣтцѣ, да къ печи пошелъ, да опять таки къ дверямъ — я глянулъ на него, что–млъ онъ изъ угла въ уголъ мотается? онъ отвернулся да отошелъ, стало быть за какимъ нибудь дѣломъ хозяйскимъ пришелъ, думаю, пусть его: а самъ за свое. Опять онъ подошелъ, да какъ–то сталъ тяжело вздыхать, словно стонетъ; поворочался у конника, взялъ топоръ, положилъ его на лавку, вышелъ зачѣмъ–то, опять пришелъ, взялъ топоръ, да сталъ, словно призадумался; я глянулъ на него, а онъ стоитъ, сердечный, и самъ не свой, бѣлый какъ полотно, а глаза словно у звѣря...

«Вдругъ онъ, кормилецъ, какъ кинетъ топоръ отъ себя подъ кутникъ, да какъ крикнетъ не своимъ голосомъ: «Господи Іисусе Христе, избави меня отъ дьявольскаго искушенія!...» Я вскочилъ съ мѣста, ровно ошалѣвшій — онъ кинулся на меня... кормилецъ, да какой страшный!

сроду не видалъ я такого человѣка. Лице все у него дергаетъ, а самъ, словно въ лихорадкѣ, кинулся онъ на меня, ухватилъ меня за руку, да какъ закричитъ: «молись, молись! меня дьяволъ соблазняетъ, я хочу тебя убить; клади поклоны, читай молитвы...» Я упалъ передъ образомъ, а хозяинъ со мной рядомъ; я читаю молитвы, а онъ, знай, крестится, да кладетъ земные поклоны; ужъ я, кормилецъ, читалъ, читалъ, всѣ молитвы и каноны, сколько знаю на память, разъ по десяти каждую; тогда только, наконецъ, ему, видно, маленько отпустило: заплакалъ, взвылъ голосомъ и слезы полились ручьемъ...

«Я сгребъ въ торопяхъ со стола всѣ деньги въ полу, да вонъ изъ избы, бѣгомъ подъ навѣсъ; высыпалъ ихъ въ мѣшокъ, свернулъ, запряталъ, да перекрестившись запрягать... Руки дрожатъ, глаза меркнутъ, и не знаю какъ Богъ помогъ заложить... и погналъ я съ этого двора, и гналъ, что есть духу, до вашей милости, всю ночь; вотъ, батюшка, я и пріѣхалъ, не слышу ногъ подъ собой, ровно самъ въ оглобляхъ былъ,

ровно не своя голова на плечахъ; все помутилось... Слава Тебѣ, Господи, да вамъ спасибо; теперь только что маленько отдохнулъ... А былъ онъ, кажись, человѣкъ добрый, и такой прехорошій...